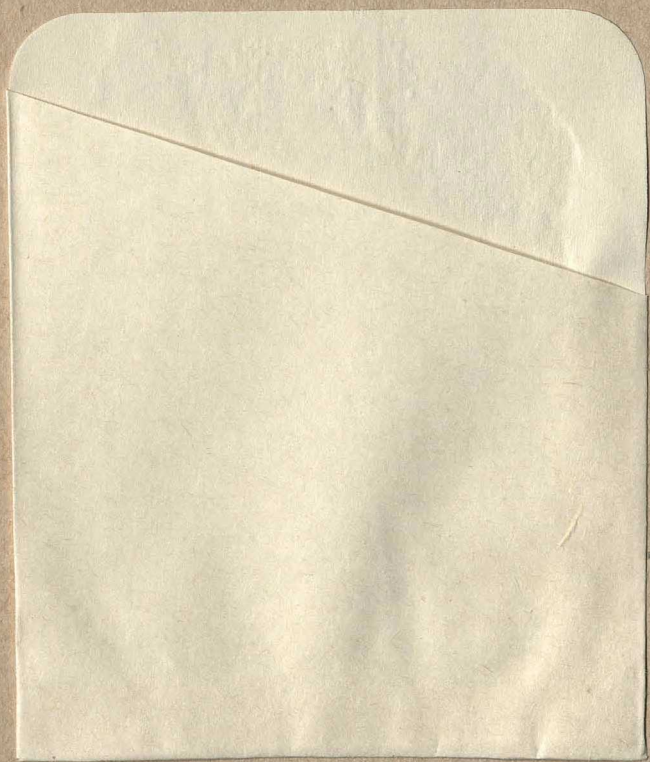
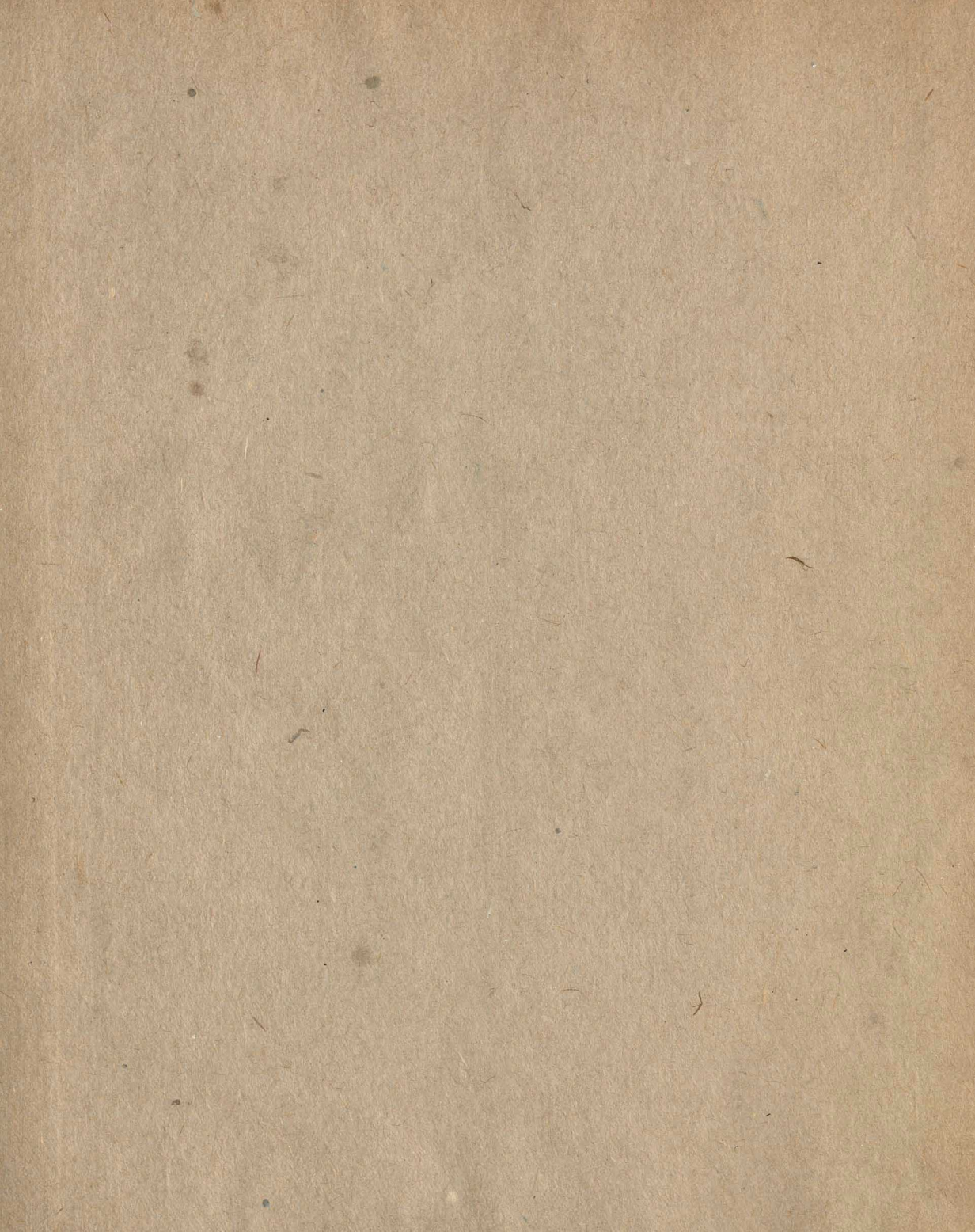

М $\frac{135}{73}$

кукла
советница

КУКЛА-СОВЕТНИЦА

М 135
73

1887

Книга имеет:

Печатных
листов

Выпуск

В переплетн.
един.
соедин.
№№ вып.

Таблиц

Карт

Иллюстр.

Служебн.
№

Наклад и
исписка

26

176/531

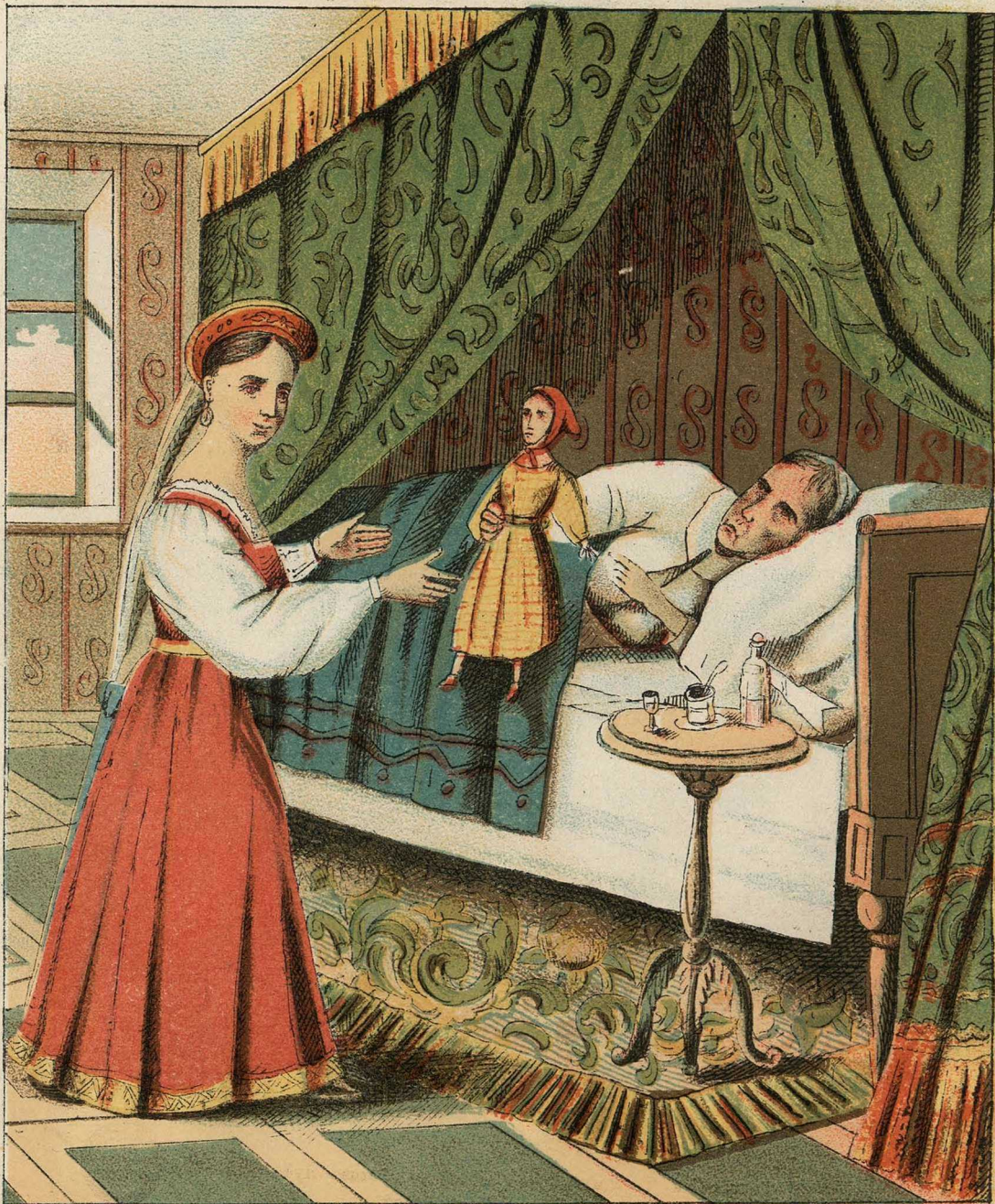

M $\frac{135}{73}$

pp. 33-3255

Лит. А. Стрыльцова, Покровка, Дзінь пер А. Прыснова

КУКЛА
СОВѢТНИЦА.

РУССКАЯ СКАЗКА

ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СЪ КАРТИНКАМИ.

МОСКВА.

Типографія Т. Ризъ, на Садовой ул., близъ Яузской части,
въ домѣ Мединцевой.

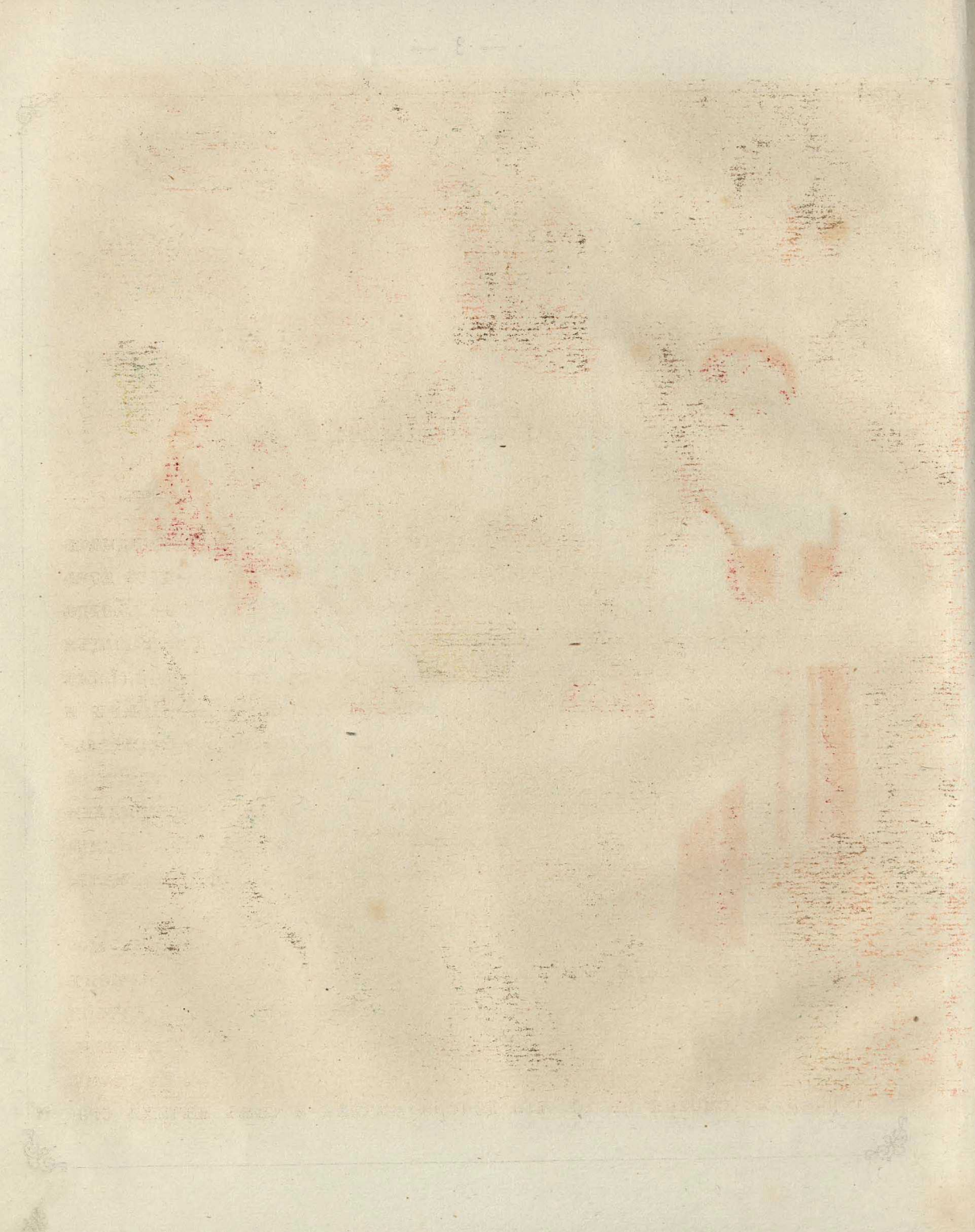

Доволено цензурою. Москва, 20 Декабря, 1878 года.

№ 79.

Лит. А. Стрѣльцова, Покровѣ, Лялинъ пер. Д. Ирѣнова.

КУКЛА-СОВѢТНИЦА.

СЧАСТЛИВИЦА.

Терпѣніе все преодолеваетъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ жилъ-былъ купецъ. Двѣнадцать лѣтъ жилъ онъ въ супружествѣ и вотъ въ семьѣ появилась дочь Василиса прекрасная; дѣвочка была красоты ослѣпительной! Когда мать скончалась, дѣвочкѣ было только восемь лѣтъ. Умиравшая мать призвала къ себѣ дочь Василису, вынула изъ подъ одѣяла куклу, отдала ей и сказала: „слушай Василисушка! Помни и исполни мои послѣднія слова. Я умираю, и вмѣстѣ съ родительскимъ благословіемъ, оставляю тебѣ вотъ эту куклу; береги ее всегда при себѣ и никому не показывай, а когда тебѣ приключится какое горе, дай ей поѣсть и спроси у нея совѣта. Покупаетъ она и скажетъ тебѣ, чѣмъ помочь несчастію. Затѣмъ мать, поцѣловавъ дочку, умерла.

Послѣ смерти жены купецъ потужилъ, а потомъ вновь женился на вдовушкѣ съ двумя родными ея дочерьми; купецъ обманулся въ расчетѣ, думая найти добрую мать своей дочери Василисѣ, хотя послѣдняя была однолѣтокъ съ дочерьми мачихи.

Когда Василиса стала подростать, краше ея не было во всемъ городѣ, не смотря на то, что дочери мачихи и сама мачиха сто-

рались изнурять ее всякими работами съ тою цѣлью, чтобы она похудѣла и зачахла, отъ солнца и отъ вѣтра загорѣла; но напротивъ Василиса становилась все полнѣе и добрѣе, въ чемъ, конечно, помогала ей куколка, какъ и въ ея работахъ.

За то Василиса и сама, бывало, не съѣсть, а уже куколкѣ оставить лакомый кусочекъ и вечеромъ, какъ всѣ улягутся, она запрется въ чуланчикѣ, гдѣ жила и потчиваетъ ее, приговаривая: „на, куколка, покушай, моего горя послушай!“ Куколка покушаетъ, да потомъ и дастъ ей совѣты и утѣшаетъ въ горѣ, а на утро всякую работу справляетъ за Василису; та только отдыхаетъ въ холодочкѣ да рветъ цвѣточки, а у нее ужъ и гряды выполоты, и капуста полита и вода наношена и печь вытоплена. Куколка еще уважаетъ Василисѣ и травку отъ загару. Хорошо было ей жить съ куколкой.

Прошло нѣсколько лѣтъ и Василиса стала невѣстой. Женихи городскіе только и любовались Василисой, а на дочерей купца, ея отца, не обращали никакого вниманія, не смотря на то, что названныя сестры Василисы жили какъ барыни, ничего не дѣлая. Мачиха стала злиться пуще прежняго и кто лишь только привсатается къ падчерицѣ, тотчасъ отвѣчаетъ: „Не выдамъ меньшей прежде старшихъ и, бывало, какъ проводитъ сватовъ, такъ тотчасъ начнетъ вымещать зло на Василисѣ.“

Отецъ Василисы отправился по торговымъ дѣламъ въ ярмарку, или въ другое мѣсто—неизвѣстно, а мачиха избрала на это время домъ близъ лѣсу, который вполнѣ замѣнялъ дачу, для лѣтняго пребыванія. Домъ стоялъ близъ дремучаго лѣса, въ которомъ, по словамъ окрестныхъ обитателей, жила баба яга. Слухи доносили, что баба-яга, живя въ избушкѣ, къ себѣ никого не допускала, и будто бы къ тому же была—людоедка.

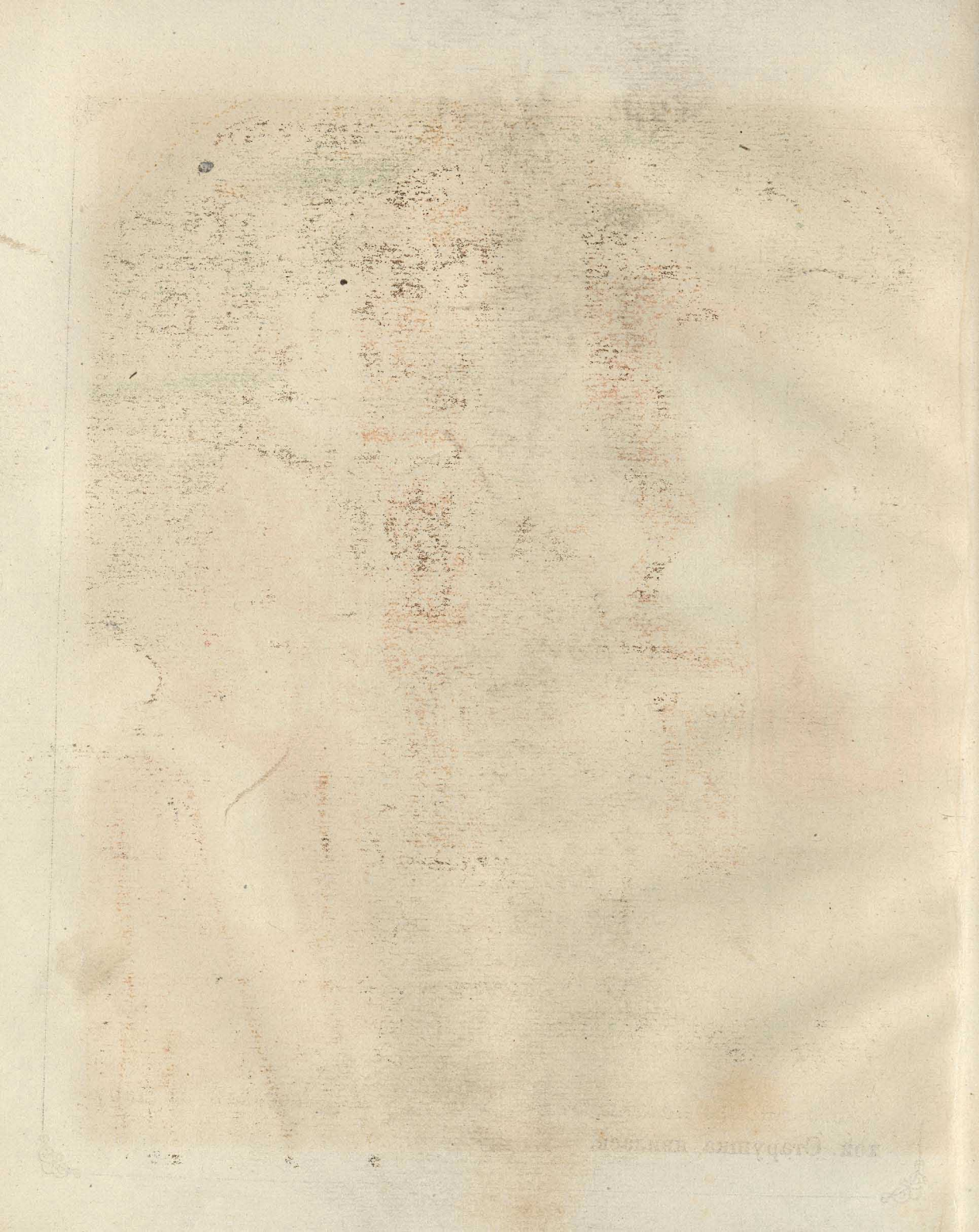

Лит. А. Стрельцова, Покровъ, Длинъ пер Д. Ирѣнова

1000 N. 10th Street, N.W., Washington, D.C.

Дозволено Цензурою Москвит 1. Февраля 1819 г.

Мачихѣ почему-то это сосѣдство понравилось и она то и дѣло посылала въ этотъ лѣсъ свою падчерицу Василису.

Пришла осень, мужъ ея, отецъ Василисы, еще не возвращался. Мачиха раздала всѣмъ тремъ дѣвушкамъ вечернія работы по части рукодѣлья: одну заставила плести кружева, другую бисеромъ или жемчугомъ низать, а нашу Василису — прясть и все это было дано на уроки. Затѣмъ погасивъ въ домѣ всѣ огни, оставила только одинъ свѣтецъ (освѣщеніе) въ рабочей комнатѣ, а сама легла спать. Въ старину освѣщались то ночниками, то лучиной, то восковыми свѣчами. Восковыя свѣчи были въ употребленіи только у знаменитыхъ дворянъ и князей, чаще всего были въ употребленіи масло и лучина. Одна изъ дочерей мачихи, оправляя нагаръ, погосила единственный огонь въ домѣ и всѣ остались въ потьмахъ.

— Что намъ дѣлать? вскричали дѣвушки. Уроки наши еще не пополнены, а между тѣмъ огня нѣтъ во всемъ домѣ. Больше негдѣ взять огня, какъ у бабы-яги.

— Мнѣ отъ булавокъ свѣтло, сказала одна, что плѣла на коклюшкахъ кружева.... Я не пойду. Мнѣ отъ жемчуга и бисера свѣту довольно.... Тебѣ Василиса бѣжать за огнемъ, ступай къ бабѣ-ягѣ.... И вытолкали ее изъ горницы на улицу. Намѣреніе это было, какъ и всякому понятно, ранѣе рассчитано. Но умная Василиса, пробравшись въ свой чуланчикъ, поставила предъ куколкой свой скудный ужинъ и сказала:

— На, куколка, покушай, моего горя послушай: меня посылаютъ къ бабѣ-ягѣ, костяной ногѣ.... она съѣстъ меня!

Куколка поѣла, глаза ея заблестѣли, какъ двѣ свѣчки.

— Не бойся, Василисушка! сказала она, ступай, куда посылаютъ; только меня въ карманѣ при себѣ держи. При мнѣ съ тобой и у бабы-яги ничего не станется.

Василиса на скоро собралась, положила куколку въ карманъ и перекрестившись, отправилась въ дремучій лѣсъ, за огнемъ къ бабѣ-ягѣ.

Идетъ она и дрожить. Вдругъ скачетъ мимо ея всадникъ; самъ бѣлый, самъ въ бѣломъ и конь во всемъ въ бѣломъ и бѣлый! На дворѣ стало разсвѣтать.

— А, подумала Василиса, онъ, этотъ всадникъ утро означаетъ.

Дальше идетъ Василиса. Скачетъ красный всадникъ и конь, словно пламень.

А это — жгучій полдень, подумала опять Василиса, долго же я иду.

Василиса прошла всю ночь и весь день и только къ вечеру слѣдующаго дня вышла на поляну, гдѣ стояла избушка на куриныхъ ножкахъ. Василиса подумала: „знать это домикъ бабы-яги.“ Въ это время черный всадникъ, на черномъ конѣ, поровнявшись съ домикомъ, скрылся и исчезъ, какъ сквозь землю провалился... И съ этого времени наступила ночь въ лѣсу. Что было дѣлать бѣдной Василисѣ? Приходилось или ночевать въ лѣсу, или идти въ домикъ къ ягѣ-бабѣ.

Въ это время въ лѣсу слышался страшный шумъ, деревья трещали, сухія вѣтки ломались, листья хрустѣли. И вотъ подъѣзжаетъ къ избушкѣ на курьихъ ножкахъ баба-яга—въ ступѣ ѣдетъ, пѣстомъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ замѣтаетъ. Подъѣхала къ воротамъ, остановилась и, обнюхавъ вокругъ себя, закричала:

— Фу, фу! русскимъ духомъ пахнетъ! кто здѣсь?

Василиса, при этомъ возгласѣ бабы-яги, подошла къ старухѣ и, низко поклонясь, сказала:

— Это я бабушка! пришла за огнемъ къ тебѣ; меня прислали сюда мачихины дочери.

Дозволено Цензурой Москва, 20 Дека бр. 1878 г.

2007/3

— Ладно! ну такъ ты сперва у меня поживи, а потомъ и огонекъ заслужи, а если этаго условія не примешь, такъ я тебя съѣмъ, отвѣчала баба-яга.

Разговоръ этотъ происходилъ у воротъ дома, которые были еще заперты. Но лишь только она обернулась къ воротамъ и сказала: „отворитесь ворота, отомкнитесь запоры!“ какъ по ея приказанію все исполнилось и баба-яга съ Василисою вошли въ горницу и потомъ все заперлось за ними.

Войдя въ комнату, баба-яга растянулась и говоритъ Василисѣ: „ну-ка, подавай сюда что есть въ печи; я хочу ѣсть“.

Василиса зажгла лучину и начала подавать на столъ горшки съ яствами; горшковъ въ печи было наставлено много и кушанья настряпано было человекъ на десять; изъ погреба она принесла квасу, меда и вина. Старуха все это за одинъ присѣсть съѣла и выпила. А на долю Василисы оставила только щецъ немножко, краюшку хлѣбца, да кусочекъ поросятинки.

Стала баба-яга спать ложиться и говоритъ: „когда завтра я уѣду, ты, смотри, дворъ вычисти, избу вымети, обѣдъ состряпай, бѣлье приготовь, да войди въ закромъ, возьми четверть пшеницы и очисти отъ сора и чернушки. Чтобы все было сдѣлано, а то я тебя съѣмъ.“

Сказавъ это баба-яга заснула на печи, а Василиса стала угощать свою куколку обѣдами старухи, а сама горько плакать.

— На, куколка, покушай, моего горя послушай! тяжелую мнѣ дала баба-яга работу и грозитъ съѣсть меня, коли всего не исполню. Помоги мнѣ.

— Не бойся, ложись спать, утро вечера мудренѣе, отвѣчала куколка.

Рано проснулась Василиса, еще ранѣ встала баба-яга и чуть свѣтъ полетѣла въ ступѣ, съ помеломъ въ рукѣ, по своимъ дѣламъ.

Взошло красное солнышко. Василиса осмотрѣлась. Василиса, будучи одна-одиношенька, подивилась изобилію и довольству во всемъ у ея новой хозяйки и остановилась въ раздумѣ: за какую работу ей прежде всего приняться. Глядитъ, а вся работа уже сдѣлана; куколка выбирала изъ пшеницы послѣднія зерна чернушки. „Ахъ ты избавительница моя! Василиса говоритъ куколкѣ, ты спасла меня на сей разъ отъ бѣды бѣдущей“.

— Не говори мнѣ этого Василиса, пожалуйста не говори, предоставляю тебѣ одно—стряпай обѣдъ съ Богомъ, а все дѣло—сдѣлано.

Къ вечеру Василиса собрала на столъ и ждетъ недождется бабу-ягу. Вотъ захрустѣли листья въ лѣсу, затрещали деревья и ѣдетъ домой баба-яга.

— Все ли сдѣлано? спрашиваетъ баба-яга.

— Изволь посмотрѣть бабушка! молвила Василиса.

Баба-яга все осмотрѣла, подосадовала, что не на что даже разсердиться и только сказала: „ну, хорошо!“ потомъ крикнула:

— Вѣрные мои друзья, смелите мою пшеницу!

Лишь только вѣдьма сказала это, какъ явились руки, которыя подхватили пшеницу и исчезли съ нею. Баба-яга наѣлась, напилась, стала ложиться спать и опять съ вечера отдала приказъ Василисѣ слѣдующаго характера:

— Завтра также служи, какъ сегодня, да сверхъ того возьми изъ закрома макъ, да очисти его отъ земли по зернышку.

Сказавъ это, старуха повернулась къ стѣнѣ и захрапѣла; а Василиса, воспользовавшись тѣмъ временемъ, принялась кормить свою куколку. Куколка поѣла и сказала ей по вчерашнему:

Дозволено Цензурой Москва 20. Декабр. 1878 г.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO PRESS

— Молись Богу! ложись спать!... Вѣдь утро вечера мудренѣе... А на меня надѣйся, все будетъ сдѣлано.

На утро опять баба-яга уѣхала въ ступѣ со двора, а Василиса съ куклою всю работу исправили. Когда она воротилась и оглядѣла все, то даже вскрикнула: ахъ какъ хорошо!... въ этомъ случаѣ даже злоба покорилась справедливому исполненію возможной обязанности. Старуха при этомъ сказала въ пространство:

— Вѣрные мои слуги! сердечные друзья! выжмите изъ маку масла вдоволь, да почище и послаще!

Три пары рукъ, исполняя приказаніе, схватили макъ и унесли куда-то далеко.

Баба-яга сѣла кушать. Василиса въ почтительномъ отдаленіи стояла молча.

— Чтожъ ты ничего не говоришь со мною? обратилась баба-яга. Василиса молчить. Да ты чай не нѣмая?

— Я, не нѣмая, сударыня! но не смѣла.

— И это хорошо. Многого не спрашивай, а сама допытывайся своимъ умомъ, вѣдь много знать — скоро состарѣешься.

— Это, бабушка, я слыхала отъ моей матушки.

— Это справедливо, я не отрицаю.... но будь откровенна, скажи мнѣ: отчего ты успѣваешь въ работахъ, которыя я тебѣ предлагаю; а вѣдь всѣ эти работы по мнѣ довольно мѣшкатыя и трудныя? спрашиваетъ баба-яга.

— Мнѣ помогаетъ благословеніе моей матушки, отвѣтила Василиса.

— А, такъ вотъ что!... такъ убирайся отъ меня благословенная дочка!... мнѣ благословенныхъ не нужно! кричала баба-яга.

Съ этимъ словомъ баба-яга вытащила Василису изъ горницы, вытолкала даже за ворота; но, вѣрная своему обѣщанію, вручила дѣвушкѣ пучекъ лучины, сказавъ:

— Ступай! ты за огнемъ пришла, съ огнемъ и иди.

Съ пучкомъ лучины бѣжить домой Василиса; но это было такъ далеко, что, догорѣвши до половины, лучина угасла. Василиса все бѣжить, такъ какъ путь далекъ, однако не кидаетъ пучка лучины, изъ рукъ... Шло время: съ наступленіемъ другаго вечера, лучина сама собою загорѣлась и Василиса съ пучкомъ лучины пришла къ воротамъ своего дома. Тутъ Василиса хотѣла было бросить лучину, какъ услышала изъ кармана голосъ куколки:

— Не кидай, не бросай лучинушки! неси къ мачихѣ, вѣдь она просила огня!...

Домъ мачихи дѣйствительно былъ безъ огня. Дѣвушка пошла въ домъ съ пучкомъ лучины березовой.

До того, и вправду страдали однодомцы Василисы тѣмъ, что въ ея отсутствіе кто бы не принесъ огня, онъ погасалъ.

Сестры, да и сама мачиха обрадовались тому, что Василиса несетъ огня. „Даже сами мы не могли его высѣчь“.

— Вотъ твой-то огонь, авось, будетъ держаться, сказала мачиха.

— Ужъ я же его и берегла, съ своей стороны замѣтила Василиса, закрывая горсточкой и вошла въ комнату.

Но лишь только она открыла полный свѣтъ, какъ тѣ стали прятаться отъ свѣтозарныхъ лучей лучины и куда онѣ не скроются свѣтъ такъ ихъ и пронизываетъ... Мачиха и сестры просили ея освѣтить, кушанье согрѣть, но не могли стерпѣть лучины и ея жара... такъ и истлѣли, только наша Василиса осталась живою и лучина все горѣла въ ея рукахъ и недогарала...

Бѣдная дѣвушка, видя, что все уже поздно и кончено, попыталась на послѣднее средство: похоронить лучину въ землю и закончить, быть можетъ, важную причину ея непріятности; но лучше ничего не было.

Поутру Василиса прекрасная чуть свѣтъ бѣжала изъ родительской избы и даже заперла на замокъ, пошла въ городъ и попросилась на житье къ одной безродной старушкѣ; живетъ себѣ и поджидаетъ отца. Вотъ, какъ-то говоритъ она старушкѣ: скучно мнѣ сидѣть безъ дѣла, бабушка? сходи купи, мнѣ льну, самаго лучшаго, я буду для тебя прясть. Старуха купила хорошаго льна и Василиса напярла такую тонкую пряжу, что для того, чтобы выткать полотно нужно было доставать особые берда. Куколка помогла въ этомъ дѣлѣ и въ ночь изъ ея пряжи выткала такую тонкую ткань, что ее можно было продѣть сквозь ушко швейной иголки.

Старушка, какъ только взглянула на ткань, то сказала:

— Ну матушка! этотъ товаръ не для насъ; царю носить впору. Я снесу во дворецъ.

Пошла старуха къ царскимъ палатамъ, да все мимо оконъ похаживаетъ.

Царь увидалъ и спросилъ: „что тебѣ старушка надобно?“

— Вотъ, Ваше Величество, отвѣчаетъ старушка, я принесла диковинный товаръ; никому, кромѣ тебя, царь, показать не хочу.

Царь приказалъ впустить къ себѣ старуху и какъ увидѣлъ полотно — удивился.

— Что ты просишь за него? спросилъ царь у старушки.

— Ему цѣны нѣтъ батюшка-царь! я тебѣ его въ даръ принесла. Царь старушку поблагодарилъ и съ подарками отпустилъ.

По приказанію царя изъ полотна накроили сорочекъ; только не нашли во всемъ городѣ швей, которая бы могла сшить изъ такого тонкаго полотна бѣлье; и потому царь послалъ за старухой. Старушка явилась.

— Вотъ что бабушка, та, которая съумѣла выпрясть такую тонкую пряжу, выткать полотно, вѣрно съумѣетъ и шить изъ этаго полотна сорочки.

— Не знаю родной, не знаю царь-батюшка! не я ткала это полотно, а мой приемышъ — дѣвушка, сказала старуха.

— Ну, такъ пусть и сошьетъ она, твой приемышъ, приказалъ царь и отдалъ старухѣ скроенное полотно.

Старушка, возвратясь домой, сказала Василисѣ о желаніи царя.

— Я такъ и знала, что эта работа моихъ рукъ не минуетъ. Послѣ этого Василиса заперлась въ свою комнату и вмѣстѣ съ куколкой принялись за работу. Василиса днемъ смѣтала, а ночью куколка сшила и на другой день дюжина сорочекъ была готова.

Старушка отправилась къ царю, а Василиса одѣлась, умылась, причесалась и сѣла къ окну. Сидитъ себѣ и ждетъ, что будетъ.

Вотъ видить: на дворъ къ старушкѣ идетъ царскій слуга. Вошелъ въ горницу и говоритъ Василисѣ:

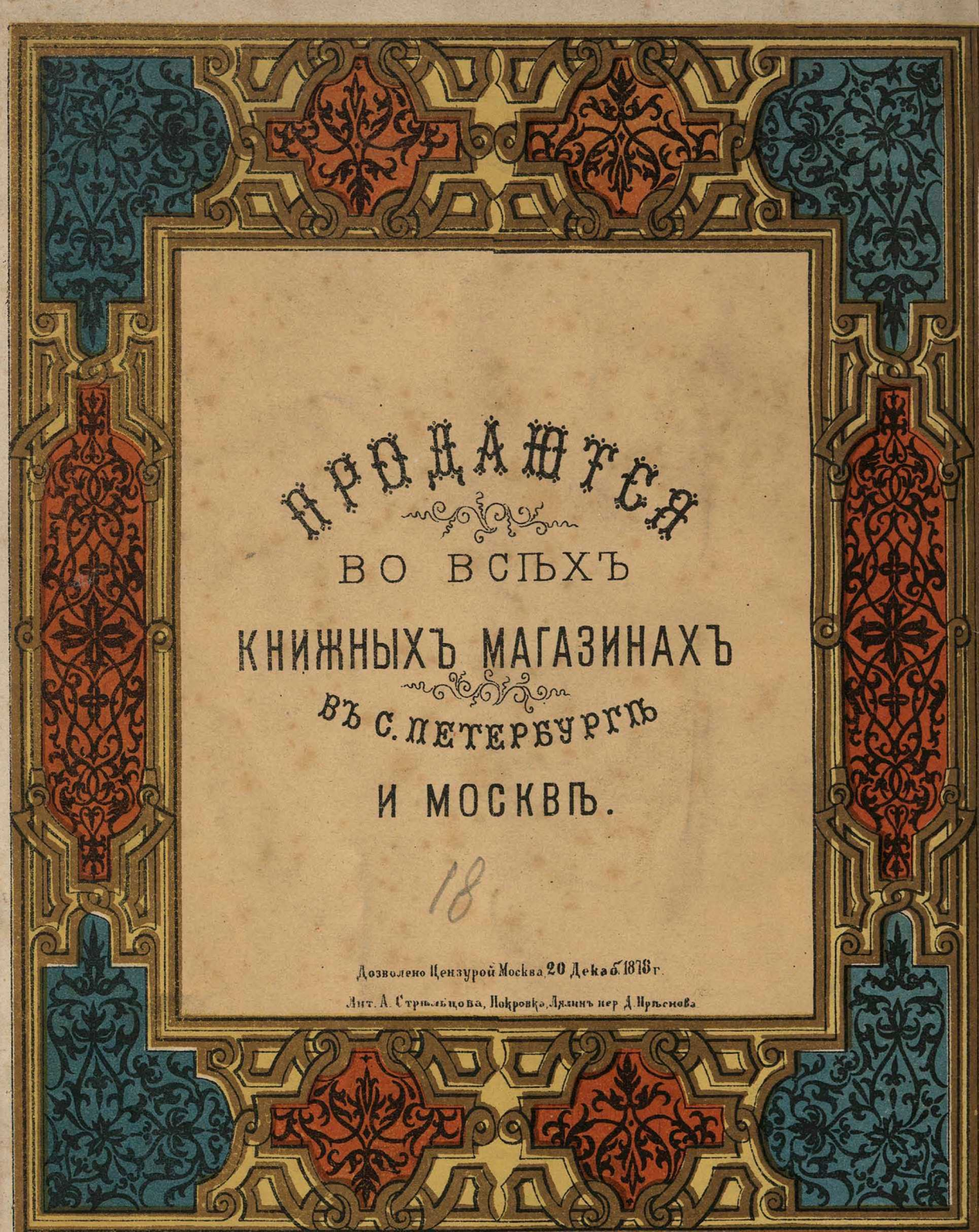
— Царь-Государь хочетъ видѣть искусницу, что работала ему сорочки и наградить ее изъ своихъ царскихъ рукъ.

Василиса безпрекословно повиновалась и отправилась во дворецъ.

Лишь только она предстала предъ очи ясныя, какъ царь въ нее влюбился до того, что на ней женился.

Скоро воротился и отецъ Василисы съ торгу; если попечалился онъ о внезапной смерти своей жены и падчерицы, за то очень былъ радъ счастью Василисы и остался жить при дочери. Старушку Василиса взяла также къ себѣ, а куколку свою такъ всю жизнь и продержала въ карманѣ.

К О Н Е Ц Ъ .

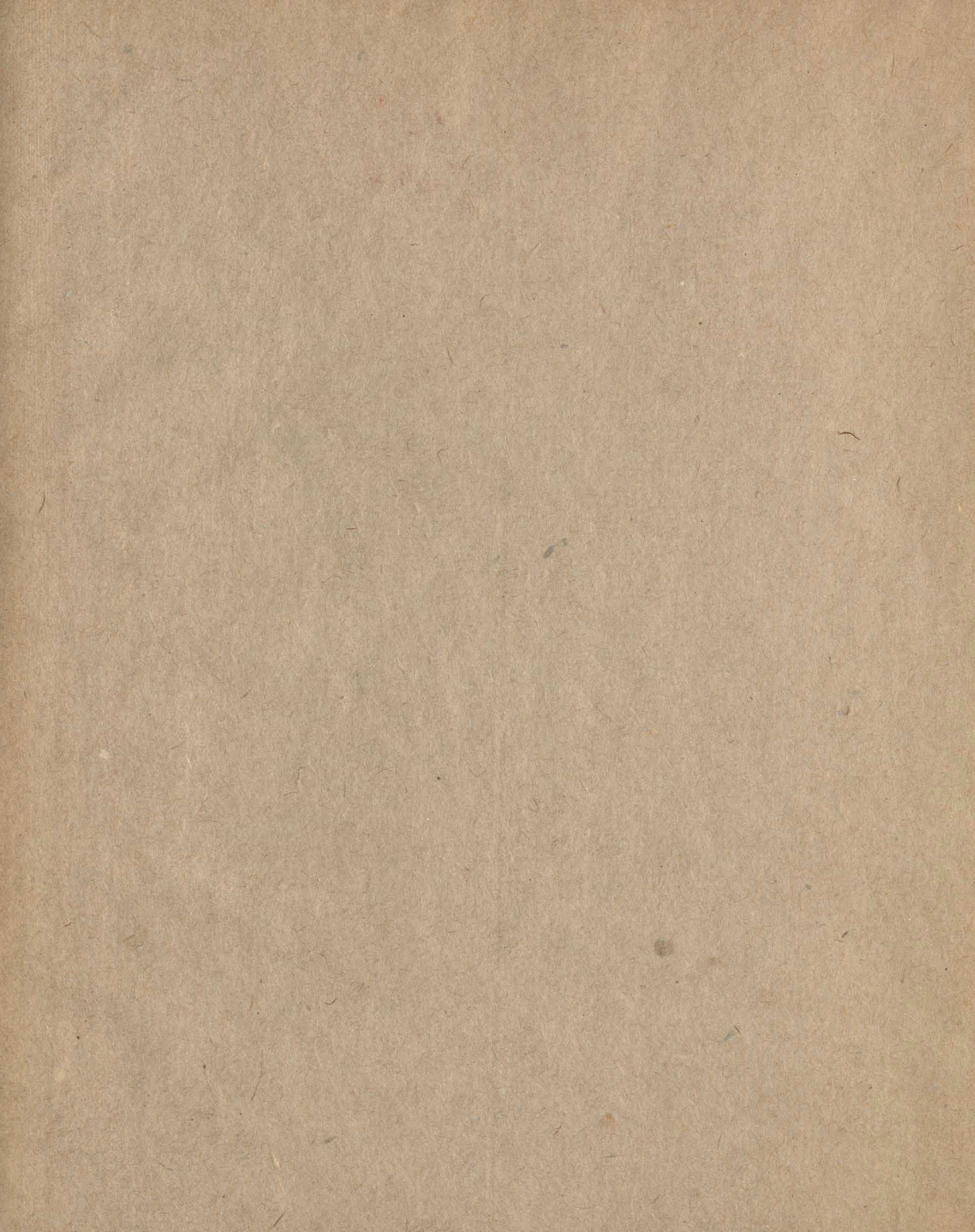

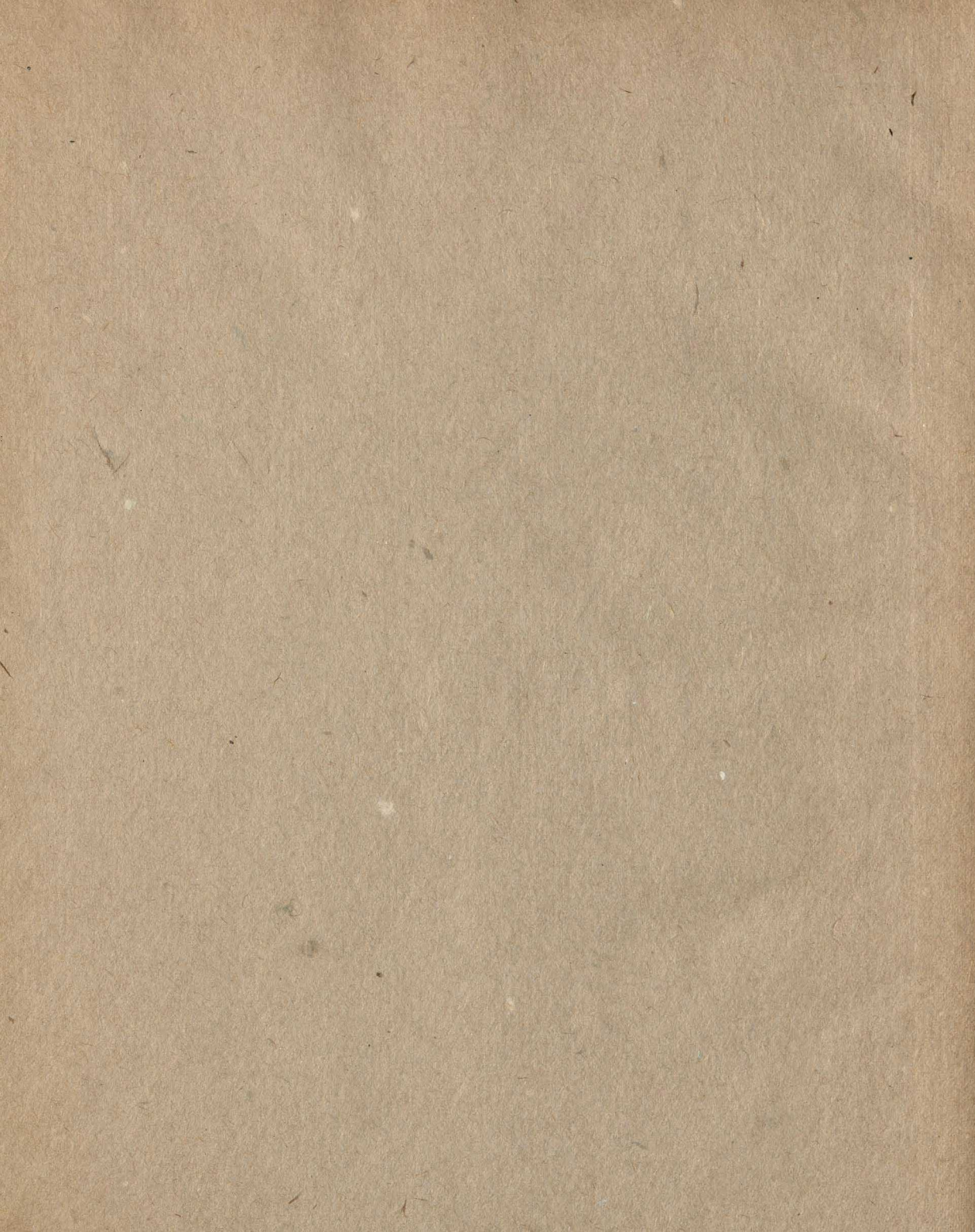
ПРОДАЮТСЯ
ВО ВСЯХЪ
КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ
И МОСКВѢ.

18

Дозволено Цензурой Москва 20 Декаб. 1876 г.

Лит. А. Стрельцова, Покровка, Дрянь пер. Д. Ильина.

2015218886